

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА. КАВКАЗ

"Результат незаметный, но это чья-то жизнь". Ростовская активистка Анастасия Шевченко – о приговоре за терроризм и помощи пленным

Александр Беликов

23 июня 2026



Анастасия Шевченко, фото из архива

Ростовскую гражданскую активистку Анастасию Шевченко признали виновной в содействии терроризму и заочно приговорили к 17 годам колонии. В прошлом Шевченко была региональным координатором движения "Открытая Россия" – против нее было возбуждено первое в России уголовное дело о сотрудничестве с "нежелательной" организацией. После начала войны правозащитница уехала из страны – на тот момент она отбывала условный срок.

Сейчас Шевченко – заместитель секретаря платформы российских оппозиционных сил в ПАСЕ, а также возглавляет фонд "Сквозь стену", который занимается помощью военным и гражданским пленным из Украины в российских тюрьмах. В интервью корреспонденту Кавказ.Реалии она рассказала о своих эмоциях от приговора и сложностях помощи пленным.

– 17 лет колонии – это звучит гораздо суровее вашего первого приговора за сотрудничество с "Открытой Россией". В списке Росфинмониторинга вы уже год. Каковы ваши ощущения, как это: оказаться в международном розыске по террористической статье?

– Конечно, реакция такая была: "Да ребят, ну за что?". Ладно бы там убила кого-то, понимаете? Я видела материалы дела, и там совершенно не за что давать даже год – не то, что 17 лет.

Но и когда первое дело рассматривалось, хотя это были еще более-менее времена, прокурор запрашивал пять лет. Мы были в шоке с адвокатом, и он мне тогда сказал: "Это запросили больше, чем Алексею Навальному, что это за статья, почему?".

Было ощущение, что прокуратура в Ростове-на-Дону хочет дать мне много лет. Есть такое желание, и вот – они закрыли свой гештальт наконец-то.

В списке террористов я оказалась 6 мая 2025 года, хотя я постоянно его мониторию на предмет фамилий пленных, обвиняемых в терроризме. А свое дело в итоге пропустила. Узнала я об этом буквально месяц назад.

В целом ничего в моей жизни не изменилось, потому что я до этого была в федеральном розыске, и уведомление в материалах дела было о том, что нужно объявить меня в розыск международный. Я как ездила по безопасным странам, так и езжу. Хотя сегодня я в Украине – не знаю, насколько это безопасная страна, – в целом стараюсь свою жизнь не менять. Мне кажется, это их задача: жизнь мою испортить, а моя задача – испортить жизнь им.

– Официально вас осудили за видео со сбором в поддержку "Азова". Вы активно участвуете в обменах, в мониторинге положения украинских военнопленных и гражданских пленных в российских тюрьмах. Что происходит на этом направлении сейчас?

– Я бы не сказала, что это видео со сбором, понимаете. Там кадры, где я иду вместе с бывшим пленным, у нас в руках только что распечатанные буклеты "Азова". Я помогла ему найти место, где их напечатать. Сбор денег на них я не вела.

Просто это была выставка в поддержку военнопленных, мы как раз рассказывали о том, что произошло в Еленовке во время теракта, сколько погибло человек, что до сих пор люди погибают в плену сотнями, что до сих пор очень много без вести пропавших, у которых статус не подтвержден.

Справка: 29 июля 2022 в Еленовке погибли 50 украинских пленных, еще 73 получили ранения – в лагере содержались в том числе военнослужащие полка "Азов". Москва утверждает, что по колонии был нанесен удар из ракетной системы залпового огня HIMARS, имеющейся на вооружении Украины. Независимые исследователи это не подтверждают. В ведомстве ООН по правам человека заявили, что удар не мог быть произведен из системы HIMARS, так как разрушения от взрыва такой ракеты были бы масштабнее зафиксированных. Россия так и не предоставила гарантий безопасного доступа в Еленовку.

Но вот этого видео им было достаточно, чтобы сказать, что я финансирую терроризм. При том, что ролик записан в Литве, во-первых. Во-вторых, я, между прочим, иностранный агент – все мои счета заблокированы. То есть я не могу задонатить "Азову", например, с рублевой карты, хотя, может быть, и хотела бы. В общем, довольно беспочвенное дело, как обычно, – как и первое мое.

Что касается военнопленных и гражданских: происходит ужас. Мне очень жаль, что на это мало обращают внимания на Западе. Тысячи людей – гораздо больше, чем политзаключенных – сейчас, украинцев, сидят в российских тюрьмах. Сидят они по-разному. Не скажу, что везде условия ужасные, но у многих условия действительно катастрофические: люди умирают в плену.

Мы обращаем на это внимание, пишем жалобы, пытаемся как-то помочь. Главное – пытаемся найти безымянных, потому что пока у них нет имени и пока они без связи, с ними может происходить вообще что угодно.

Сидят уже не только украинские граждане, сидят и иностранцы: граждане Великобритании, Грузии, Австралии. И это будет общая массовая проблема. Более того, Путин продолжает брать в заложники иностранных граждан. Мы понимаем, что приезжать в Россию таким людям опасно. И вот это количество заложников сейчас – какие-то космические цифры уже: это больше 30 тысяч явно, а если мы еще и детей туда прибавим украинских, то это больше 50 тысяч. Проблема, о которой, мне кажется, все равно мало говорят.



Военнопленный проходит мимо портретов пропавших без вести или взятых в плен военнослужащих во время прибытия освобожденных раненых и тяжелораненых украинских военнопленных в Черниговскую область после обмена пленными 10 июня 2025 года на фоне российского вторжения в Украину

**“ Приходится
отправлять каждый месяц
адвоката, чтобы просто
проверить, жив человек
или нет**

сейчас понимаем, что не хватает уже правозащитных организаций – многих признали "нежелательными", "террористическими". Поэтому сейчас мы ищем адвокатов, оплачиваем их работу.

Нас отличает персональный подход. То есть мы с теми узниками, которые находятся сейчас в российских тюрьмах, дружим и общаемся и после заключения, и в целом очень близко к сердцу принимаем все, что там происходит. Если раньше мы не занимались адвокатской помощью, то

Просто у нас ситуация: приходится отправлять каждый месяц адвоката, чтобы просто проверить, жив человек или нет. Вот такая функция защитника в России – не помочь юридически, а просто подтвердить, живой ли. Чтобы мама знала, что адвокат его видел, и вот буквально полчаса назад он дышал. Такого масштаба беда.

– Не так давно Нацполиция Украины **раскрыла** новые подробности о пытках над украинской журналисткой Верой Рожиной в СИЗО Таганрога. Там ей сломали

затылочную кость. С военнопленными во всех СИЗО обращаются так – или есть местные особенности?

– Я бы сказала, что зависит от времени. Если взять, например, 2022-2023 годы, то я думаю, что в большинстве СИЗО – да, было так. Просто тогда очень жестоко с ними обращались, максимальная жестокость. Тогда многие говорили, что Таганрог – это просто ад.

Потом как будто стало чуть лучше. И нам показалось, что даже в Таганрогском СИЗО наладилась переписка, разрешили посылки, и сами парни не могли поверить, что вот так может все измениться.

А потом мы начинаем исследовать новые СИЗО, в которых творятся еще хуже вещи. Вот сейчас написали жалобу на СИЗО Камышин в Волгоградской области, где палкой бьют по позвоночнику специально, чтобы перебить его, и люди теряют мобильность из-за этих избиений. И где мы точно знаем, в камере сидят туберкулезные, и им никак не помогают. И у людей гниют заживо раны, ноги, руки – и никакой медицинской помощи. Мы обращались уже не один раз и к уполномоченным по правам человека региона, и в прокуратуру, и писали начальнику СИЗО.

Нужно найти всех этих садистов и понять, что вообще ими движет, и привлечь к ответственности. Но здоровье людей, которых они избивали, уже не вернешь. Знаете, когда мы взялись за поиск военнопленных, мне все говорили, что это самая неблагодарная работа. Их сложно найти, сложно доказать, что они реально в плену находятся, и очень маленький результат, никто тебя не похвалит за это. Это работа, где результат маленький, очень незаметный, но это чья-то жизнь.

– Подчиненные ФСБ тюрьмы – с точки зрения правозащитной деятельности, вы можете объяснить, что это будет означать для помещенных в них людей? На ваш взгляд, играл ли вопрос военнопленных роль при продвижении этой инициативы?

– Безусловно, играл. Мы же понимаем, что, наверное, самый ценный актив для Путина – это люди, захваченные на "Азовстали" в первую очередь, ну и, наверное, еще курские пленные. Я с ними очень активно работаю. В тюрьмах, где они сидят, каждые выходные начинаются с "политзанятий": им просто внедряют доктрину по методичкам, что "Россия спасала Украину". Копаются в их мозгах. Я думаю, что это один из самых сложных периодов: когда [пленные] проходят через эти фээсбэшные тюрьмы.

Они же знают все про человека. Они говорят: "Вот, мама у тебя живет там, папа у тебя живет там, добраться до твоего родственника нам легко". Они оказывают

максимальное психологическое давление. Если это не физические пытки, то абсолютное моральное уничтожение и унижение людей. Вот это то, что ждет людей в этих фээсбэшных тюрьмах.

“ Если это не физические пытки, то абсолютное моральное уничтожение и унижение людей

У нас в Ростове есть СИЗО ФСБ на улице Большой Садовой. Я туда ходила, когда сидел [осужденный по террористической статье режиссер Олег] Сенцов, [крымский активист Александр] Кольченко, мы передавали им передачи. То есть это место, куда ты заходишь, и там нет ни одного

человека.

С тобой разговаривают стены, вот эти зеркальные поверхности, через которые к тебе обращаются. И когда тебе нужно пройти передать передачу, голос какой-то с потолка раздается: "Подойдите к трубке". Ты разговариваешь с трубкой, заходишь внутрь – нет людей.

И только потом дядечки тебя встречают, которые взвешивают продукты. И все вопросы о том: "А зачем он вам? А если он вам чужой, почему вы передаете ему продукты?".

В такие заведения передавать передачи... Я думаю, что вряд ли мы сможем найти волонтеров, желающих приходить постоянно на допросы ФСБ. То есть это делается для того, чтобы полностью исключить людей из жизни, из общения с другими. Естественно, вся переписка будет проверяться еще строже – если она вообще будет. Ну и с гуманитарной помощью там, я уверена, сложнее.



Южный окружной военный суд

– В силу своей деятельности вы иногда бываете в Украине. Ваш недопуск в страну в прошлом феврале – что это было и идет ли речь о постоянном запрете на въезд?

– Я думаю, что была ситуация политическая нехорошая для визита россиян в Украину в тот момент. С тех пор я приезжала раза три или четыре – и сейчас все окей.

Сиюминутная реакция была: "Ну как же так, я сама и мои коллеги по фонду столько сил и времени вкладываем", но ты понимаешь, в каких реалиях люди сейчас тут находятся, когда приезжаешь сразу на сигнал тревоги об угрозе удара "Орешником". Потом очень сложно после этого хорошо относиться к россиянам.

– Вы упоминали, что ожидаете дальнейших приговоров. В частности, за участие в "Антivoенном комитете". Его признали террористическим в марте – и по времени это совпало с объявлением делегатов платформы российской оппозиции в ПАСЕ. Вы занимаете там пост замсекретаря. Какие первые впечатления от работы?

– Это очень важный институт и очень важная школа, мне кажется, для российских политиков: то, как проводятся сами заседания, взаимоотношения внутри ПАСЕ. Там люди совершенно разных взглядов – и левые, и правые, и центристы, совершенно разные страны, иногда конфликтующие между собой. И вот в этом всем большом механизме нужно уметь эффективно работать и добиваться своих результатов.

Для меня это, конечно, огромная возможность понять, как все эти политические институты устроены, и научиться, я бы сказала, помогать политикам достигать своих целей.

Конечно, это очень раздражает российское руководство, и дело против "Антивоенного комитета", я думаю, будет еще долго на этапе следствия. Потому что им удобно привлекать к ответственности – это же массовая история: можно привлекать других людей. Но я напому, мы собрались для того, чтобы вместе выступить против войны и против кремлевского режима.

Сейчас представители комитета в ПАСЕ приоритетно занимаются вопросом документов для антивоенных россиян, которые находятся за границей, либо для тех, кто хотел бы экстренно уехать из России. Это вопрос важный, потому что если лишат консульских услуг, то десятки тысяч людей останутся без документов в изгнании. В изгнании и так непросто выживать, а тут еще и без документов.

**“ В изгнании и так
непросто выживать, а тут
еще и без документов**

Я сама обладательница паспорта иностранца, который меня спасает, потому что мой загранпаспорт истек давным-давно, еще в 2023 году. И получить новый я не могу, поскольку нахожусь в розыске, а сейчас еще

и новое дело, и потом еще одно, и еще одно. И все, и как быть? У меня семья.

В такой ситуации находится очень много людей. Вырастают дети в эмиграции, в 14 лет не могут получить внутренний паспорт или в 21 год не могут обменять его на новый паспорт. Соответственно, тоже остаются без документов, не могут ехать в Россию. Вот эти вопросы нужно решать, и я вижу отклик от ПАСЕ и от Европарламента. Это очень важно, и я надеюсь, что у платформы российской оппозиции все получится – назло Кремлю, как говорится.

– Случай Руслана Кутаева – вы согласны с решением сохранить всех участников в прежнем составе?

– Да, я согласна с решением платформы. Я считаю, что это очень мудрое решение. Разговаривала с Русланом и не один раз общалась, и я, если честно, никаких проявлений мизогинии от него не встречала. То есть он, наоборот, очень уважительно всегда говорил о женщинах, и в моем присутствии тоже вел себя совершенно уважительно.

Возможно, это неверная интерпретация [его слов]. И вообще, в целом нужно быть готовым к тому, что в Чечне совершенно другие люди. Посмотри, – он мне говорит, вот сейчас, допустим, на женщину нападут мужчины. Большинство людей не

отреагирует. А чеченец обязательно встанет, вмешается и защитит. "И мы не должны жить с вами в одной стране", – он мне это объяснял, пытаясь убедить, что Чечня должна быть независимой. Нужно ли меня убеждать? Если люди, народ в Чечне решит, что хотят быть независимыми от России – так и должно быть.

Дайте возможность проявить себя. Если он что-то сказал неправильно, в уважительной форме можно поправить либо дискутировать. И мне кажется, это то, что сейчас ПАСЕ пытается сделать. Что если даже взгляды не совпадают, все равно должна быть база какая-то: европейские ценности, демократические ценности, от которых мы отталкиваемся в нашей работе.

- В России активистка находилась под домашним арестом с января 2019 по февраль 2021 года. В это время старшая дочь Шевченко Алина умерла в реанимации. У нее была первая группа инвалидности.

Кавказ.Реалии в
Instagram



Кавказ.Реалии в
YouTube



Кавказ.Реалии в
Telegram

